

Гость «ВК»

Век. кув. - 1992. - 7 июл.

Он переехал жить в Германию не потому, что был обижен, не из корысти, не в поисках благ — уехал лечиться. Хотя он вполне мог бы уехать и по другим соображениям: его, признанного во всем мире, у нас очень долго не признавали официально, замалчивали, не пускали его музыку «в массы». Лишь во второй половине 1980-х удостоили звания заслуженного деятеля искусств РСФСР, а республиканскую Госпремию дали не за оперы или симфонию, а за музыку к мультфильму.

Уехал он в Гамбург, где принят действительным членом в академии искусств. В Гамбурге он преподает в консерватории. Он не отказался от российского гражданства, хотя ему предоставили и германское. И не ищет он ничего, кроме бури — творческой бури в сердце и сознании.

Очень просто позвонить ему в Гамбург. Редакции это стоит уйму денег. Зато читатели «ВК» узнают, как живет их талантливый, странный, не очень счастливый и все же очень счастливый земляк.

го фильма «Анаконда»: индейцы бассейна Амазонки стоят вокруг проигрывателя и слушают Скрипичный концерт Бетховена. Они впервые увидели проигрыватель, впервые услышали музыку — и как они слушали!..

— Вы наверняка помните время, когда в наших отечественных газетах появлялись заголовки «Сумбур вместо музыки» или «Кто навязывает какофонию советским людям». Когда всюду разносили Шостаковича. Что думаете о подобных рецензиях?

— А что про них можно думать — безграмотные суждения. Или заказанные «сверху». В обоих вариантах — демагогически заостренные.

— Но бывает и искреннее неприятие. Признаться, я не каждую музыкальную вещь понимаю, и мне кое-что кажется сумбуром. Не пишу об этом разгромные статьи, но брюзжу про себя.

— И это нормально! Вы считаете непонятное лишенным смысла. Даже в одной семье у людей, вместе выросших, сплошь и рядом бывают диаметрально противоположные суждения. Что же, биться из-за этого насмерть?

— Как вы воспринимаете эпитет «гениальный», которым сопровождается ваше имя мировая пресса?

— Ко всем эпитетам отношусь скептически. Раздача титулов и званий творческим людям, на мой взгляд, это внедрение в жизнь неточных определений. Тоталитарность в том и выражается: выдать звания, закрепить всех на своих местах, поставить в зависимость от тех, кто дает (или не дает) звания....

Потомки разберутся, кто был гениальным, а кто не был. Оценка творчества меняется и

впервые услышал арию Ленского. Словом, лет с четырнадцати музыка стала моим единственным делом.

— Вы живете теперь в очень дисциплинированной стране; упорядочили как-либо свой собственный график занятий?

— Думаю, что я обречен на вечный беспорядок. Мне никогда не удавались попытки ввести себя в некие рамки и правила.

— А как насчет общения с окружающими? Прежде вы в компании были замкнуты, обычно молчали.

— Плохо чувствую себя в компании (если можно вообще говорить о компаниях применительно ко мне). И на роль хозяина дома, занимающего гостей, не гождусь. Либо один-два собеседника, либо полный слушателей зал, а что-то среднее — не для меня, отшельника.

— Вас трудно представить написавшим, допустим, «Шотландскую застольную» («Выпьем и снова нальем!»), вы не такой озорной, как Бетховен, вы серьезный. Неужели никогда не хочется пошутить, затеять нечто забавное?

— Категорически возражаю против прилагательного «серьезный»! У меня много сочинений, о которых знатоки говорят: «Это он что, всерьез?». У меня есть произведения «Моцарт а ля Гайдн», «Моцарт а ля Моцарт». Конечно, у меня есть и реквием, и симфония-месса. Множество инструментальных сочинений без каких-либо парадоксов. В любом случае я не оригинальничую. Не выпендриваюсь (именно не выпендриваюсь, настаиваю на этой формулировке). В каждом заложено и серьезное, и шутка.

— Ну а к спорту вы как относитесь?

— С уважением, даже с почтением, потому что ничего в нем не понимаю. Хотя в свое время я написал музыку к фильму Элема Климова «Спорт, спорт, спорт». Однажды меня затащили на футбол; на поле почти не смотрел, зато с самым искренним интересом изучал публику на трибунах, ее реакцию на происходящее.

— К чему стремитесь вы в своем творчестве?

— Не знаю. Уверен лишь в одном: пока (продлится ли это еще хоть миг, трудно сказать, но пока, предыдущие 58 лет существовало) я не столько осознавал свои стремления, сколько неосознанно действовал в некоем невольном соответствии с ними. Как некий аппарат, рабочий орган того, что существует изначально. Если настроиться на это, уходишь наконец от бесконечного выбора и трех миллионов вариантов, обретая тот единственный, к которому стремишься. Или приближаешься к нему.

Было время, когда из-за моей фамилии (не из-за того, как она звучит, а из-за того, в каком ряду фамилий стоит) многое мне не удавалось довести до логического конца, то есть до публичного исполнения. Потом настал период другой крайности, безграничного внимания ко мне, вроде бы уникальному. А я — продукт среды, воспитавшей многих!

— Надо понимать так, что в каждом конкретном случае состояние вашей души выплескивается в сочинение?

— Давайте будем осторожнее с «выплескивается». То есть, безусловно, выплескивается. Но в ритме и тематике этих «выплескиваний» — повторяющиеся закономерности.

— Что скажете, Альфред Гарриевич, о ситуации у нас в стране?

— Не совсем корректно мне это обсуждать. Почему я, находящийся в полном благополучии за рубежом, даю оценки ситуации в России?... Но это моя родная земля, я не могу относиться к ней безучастно... Я не пророк. Не знаю, куда мы идем и к чему придем (видите, я говорю: мы), но при всех тяготах и болях нынешних дней нахожу в них бесценное преимущество перед многими предшествовавшими десятилетиями: возможность людям свободно думать, говорить, писать, творить. Отмена цензуры, как фактической, во плоти, так и внутренней, внутри себя. Очень дорогая свобода.

Беседавал
Эдуард ЦЕРКОВЕР

На снимках: А. Г. Шнитке с женой Ириной Федоровной и сыном.
В дни работы над оперой «Жизнь с идиотом» в Нидерландской опере: Борис Покровский (режиссер), Альфред Шнитке (композитор), Винтор Ерофеев (автор либретто и текста), Мстислав Ростропович (дирижер), Жан Кальман (художник по свету), Илья Набаков (сценография и костюмы). 13 апреля 1992 г.

Фото Джерри ХЕКМЭНСА и из семейного архива.

Альфред ШНИТКЕ:

«В любом случае я не выпендриваюсь»

— Спасибо, неплохо. Она по-прежнему мой хранитель, мои руки и ноги. Помните, когда мы уезжали, то всю поклажу, все чемоданы носил не я. В разных странствиях Ирина берет на себя все заботы и хлопоты, всю работу руками... Конечно, я советуясь с ней обо всем, что пишу. У нее самостоятельные, порой очень острые суждения, она далеко не во всем со мной согласна, иные мои произведения ей совсем не нравятся. Она играет многое, иногда включает в свой репертуар и кое-что мое. Специально для нее я написал, например, фортепьянный концерт для двух пианисток (его играла в паре с Ириной Виктория Постникова), фортепьянную сонату, несколько пьес.

— Что нового написали, где выступаете?

— В последние дни июня ездил на премьеру в Голландию. В Амстердаме поставили мою новую оперу «Жизнь с идиотом»; дирижировал премьерным спектаклем Мстислав Ростропович. Эта опера — о судьбах России, о пороке, который принимали за добродетель. Периодически выезжаю на концерты, скажем, в Англию.

— Альфред Гарриевич, что испытываете вы, слушая свои произведения? И после, когда вам аплодируют, просят автора выйти на сцену?

— Когда слушаю свое, то ежесекундно отмечаю плюсы и минусы. Не те минусы, которые можно исправить, а те, которые во мне были, есть и будут. А кое-что, чувствую, получилось так, как я хотел. В эти же минуты проявляется эгоизм, наверное, неизбежный у человека, слушающего свое произведение: мне кажется, что в зале слишком громко кашляют, нетактично перелистывают программки... Когда слушаешь произведения других, это почему-то в голову не приходит. Ну а выход на аплодисменты — дело очень приятное, но я не забываю, что шагаю не слишком твердо и держусь на сцене не слишком профессионально. И вот еще: мне одинаково важны восторги всего зала и отрицательное суждение одного слушателя.

— Даже так? А если он не знаток музыки?

— В любом суждении непременно есть отнесенность правота. Знаете, мне врезался в память эпизод давнишнего документально-

при жизни художника, и после его ухода, и редко остается незабываемой. Любимый человек, я считаю, вмещает в себя и гениальность, и что угодно еще. То, что в него заложила природа, может проявиться, а может из-за чего-то абсолютно случайного и необъективного никогда не проявиться... Человек же, наделенный весомым эпитетом, вынужден раздваиваться — на себя подлинного со всеми сомнениями и слабостями, и на подтягивающего себя за уши до уровня эпитета, звания, некоего символа.

— Пушкин — бесспорный пример гениальности, не так ли? Он танцевал, фехтовал, ездил верхом, любил шумные сборища... А вы?

— Только не надо меня приравнять к Пушкину, даже неловко такое слышать... Я совсем не разносторонний. Занимаюсь всю жизнь одним и только этим. И все интересы в этой сфере.

— А в детстве?

— Было непродолжительное увлечение тематикой, но без серьезных последствий. Лет в десять пытался писать «древнегреческие» трагедии, да-да, с древнегреческими персонажами, просто, как у Софокла! Еще пробовал петь, поскольку играть было не на чем. В сорок шестом году вернули конфискованные у многих радиоприемники, и я

— Алло, Альфред Гарриевич? Как себя чувствуете?

— Физически — лучше, чем до отъезда. Помните, мне понравился ваш вопрос о физических усилиях, необходимых мне для сочинения музыки? Плохо слушалась рука, уставала, а нужно было писать нотные знаки, к тому же сидеть с подушкой, которая подпирает спину. Здесь дело пошло на поправку; врачи заставляют тренировать руку и говорят, что улучшение почти гарантируется. Но мне жаль тратить время на тренировки: наступит оно или не наступит, это решительное улучшение? А я, возможно, не успею написать то, что задумал.

Вы были у меня дома в Москве, на улице Дмитрия Ульянова, видели мой «пенал», мое «купе» — комнатку, служившую мне рабочим кабинетом, куда едва удалось втиснуть пианино. Я ведь совершенно не привередлив. Мне довелось достаточно походить по московским магазинам, постоять в наших с вами московских очередях... Привык к лишениям, поэтому любую перемену быта к лучшему воспринимаю как маленькое чудо. Когда-то я мог и перегоревшую пробку починить; но здесь пробки сплошь автоматические, достаточно нажать.

— Как Ирина Федоровна?

